

*Степан Мештрович**

Энтони Гидденс. Последний модернист

Anthony Giddens. The Last Modernist. London and New York: Routledge, 1998. – 242 p.

Автор рассматривает свою работу не как традиционное исследование творчества Э.Гидденса, а «как средство вступить в дискуссию относительно модерна, постмодерна, культуры, а также относительно сегодняшнего значения классической социальной теории» (с.1). Более того, книга задумана как полемическая, причем полемика направлена не столько против Гидденса персонально, сколько против его воззрений, воплощающих те тенденции в современной социологии, которые автор не приемлет.

Мештрович признает, что его исследование не носит «сбалансированного» характера, оно сосредоточено на слабостях социологической теории Гидденса. Поскольку сбалансированная критика очень широко представлена в литературе, причем большая часть работ открыто почтительны по отношению к объекту критики, автор задался целью восстановить равновесие между хвалебной и действительной критикой. Главное же в том, что «сбалансированная критика» является по своим исходным моментам модернистской, а авторская ведется с антимодернистских позиций.

Анализ творчества Гидденса Мештрович начинает с рассмотрения проблем социологического метода. По его мнению, книга «Новые правила социологического метода» – наиболее важная из всех работ английского социолога. Здесь в полной мере проявляется подход Гидденса к трем темам, на которых были сфокусированы теоретические интересы Гидденса на протяжении всей его жизни: истоки социальной науки в XIX в.; темы, которые перешли в следующий век; отношение к современной социальной теории. Кроме того, «данная книга – переходная от творчества раннего Гидденса как толкователя классической социальной теории к его поздним работам, пропагандирующим теорию структуризации и синтетическое конструирование социальных традиций» (р. 40).

Сравнивая «правила социологического метода» у Э.Дюркгейма и Гидденса, Мештрович приходит к выводу, что Гидденс по существу стремится противопоставить свои правила «старым» правилам Дюркгейма, несправедливо оценивая последнего как теоретика XIX в. Дело не только в том, что Дюркгейм жил и творил веком позже. Гидденс явно недостаточно учитывает воздействие на Дюркгейма культурной атмосферы конца XIX в., когда «теоретические результаты» уходящего столетия были подвергнуты критике.

Автор упрекает Гидденса за то, что, обратившись к вопросу о правилах социологического метода, он едва касается соответствующих позиций Дюркгейма

* Степан Мештрович (Stjepan С. Meštrović) – профессор социологии в Texas A&M University.

и сосредотачивает свое внимание на некоторых воззрениях Мида, Уинча, Витгенштейна, Шютца, Гарфинкеля, Хабермаса и др., не обосновывая своего выбора и беря у них только то, что способно подкрепить его собственные взгляды. Вообще, Гидденс при формулировании своих позиций мог и не облекать их в анти-дюркгеймианскую форму.

«Модернизм» Гидденса – главная критическая мишень Мештровича. Другими объектами критики являются забвение ряда классических теорий, недоучет значения культуры, а также интерпретация Гидденсом признаваемых им социальных теорий.

В книге не рассматривается такой важный вопрос, как различия между теорией структуризации Гидденса и его теорией модерна. Автор ограничивается указанием на то, что теория структуризации является модернистской, поскольку опирается на абстракцию, отстает индивида и его агентность; ей присущи те же посылки, противоречия, двусмысленности, что и остальному творчеству Гидденса. Конечно, в некоторых работах, например, «Конституирование общества», «Национальное государство и насилие» и «Последствия модерна» Гидденс дает достаточно резкую критику модерна. Так, он представляет модерн как «колесницу», отмечает кризис, проистекающий из чувства онтологической неуверенности, обусловленной усилением рефлексивности, указывает на усиление социального контроля и некоторые другие явления, присущие модерну. И все же Гидденс остается «модернистом».

Сопоставляя воззрения Парсонса и Гидденса, автор утверждает, что и тот, и другой не обращали внимания на «иррациональное социальное действие» как компонент агентности. Гидденсовская теория агентности является неполной, поскольку не учитывает эмоции и их контекст, не учитывает культуру.

Между тем более завершенная концептуализация должна сосредоточиться на процессе культурного и индивидуального конструирования агентности, на объяснении того, каким образом формируется «чувство агентности», как возможен рациональный контроль, несмотря на могучую силу человеческих страстей, человеческой воли. Эта сила концептуализируется посредством таких понятий, как «оно» (id) или «анализ». Объяснение должна получить и способность людей преодолевать свой эгоизм с тем, чтобы вступать в коммуникацию и образовывать общества. В какой-то мере объяснением способна служить идея Дюркгейма о том, что у людей должна быть какая-то наивная вера в общество, в социальные факты как некоторые гаранты объективности.

Гидденс обращается к рассмотрению эмоций, когда речь идет о некоторых женских ролях, прежде всего тех, что связаны с интимной сферой. Но при этом Гидденс, как отмечает автор, ограничивается воспроизведением распространенных стереотипов относительно мужчин и женщин, считая, что женская эмансипация должна заключаться в отказе от эмоциональности и принятии стандартов мужской рациональности.

И в данном случае предпочтительнее подход Дюркгейма, гораздо более сложный и более соответствующий современным социальным условиям.

Что касается политики, то, по мнению автора, ход событий, по крайней мере после крушения коммунизма в Европе, не опровергает предсказания Гидденса и других социологов. Ассимиляторским и глобализаторским тенденциям противостоят процессы расщепления национальных государств. Балканизация становится уделом и Запада. Более правильной представляется оценка тех ученых, которые считают, что глобализация и балканизация осуществляются одновременно.

Современные социальные процессы не согласуются также и с «общим и поверхностным оптимизмом работ Гидденса». Эти процессы в своей негативности далеко выходят за рамки «рисков современной жизни», о которых говорит Гидденс. Речь идет прежде всего об этнических конфликтах, распространении социального бессилия и беспомощности, об осознании западными людьми того, что они не в состоянии изменить мир. Те, кто считает желательным завершение проекта Просвещения, например Хабермас, кажутся наивными. Столь же наивными представляются и те, кто считает этот проект уже завершенным, например Фукуяма. К числу наивных теоретиков Мештрович относит и Гидденса. Особенной это касается его ранних работ, посвященных политике. В некоторых поздних работах, прежде всего в «По ту сторону правой и левой» он приходит к осознанию проблем, сопряженных с проектом модерна. Рефлексивность, как выясняется, оказывается недостаточной для осуществления желанной демократизации.

Вместе с тем Гидденс отказывается присоединиться к Бодрийяру и другим в критике присущих проекту Просвещения элементам лицемерия, угнетения и нежизнеспособности. Он не признает, что синтетические традиции могут использоваться в сугубо авторитарных целях. Гидденс стремится найти какой-то средний путь между указанными позициями, но при этом остается модернистом. Предлагаемое им создание синтетических традиций, призванных способствовать преодолению трудностей, с которыми столкнулся модерн в плане достижения социальной солидарности, не отличается принципиальным образом от других крупномасштабных экспериментов по социальной инженерии, которые предпринимались в XX в.

Кроме того, творчество Гидденса включает в себя «зловещую» программу социальной инженерии применительно к человеческим эмоциям, программу, которую он обозначает как посттрадиционалистское конструирование синтетических традиций. Мештрович считает, что модернистская манипуляция эмоциями несет в себе возможность новой формы тоталитаризма.

Говоря об отношении Гидденса к постмодерну, теория которого соперничает с теорией структуризации, автор указывает на недостаточную обоснованность критики английским социологом постмодерна. Более того, теория структуризации весьма близка к тому, что называется утвердительным постмодерном. Это благодушное рассмотрение постмодернового мира как мира терпимости и глобализации.

Программа Гидденса оставляет без внимания ряд фундаментальных вопросов, что делает весьма возможной трансформацию его «благодушной» программы в еще одну модернистскую программу социального угнетения. Он не обосновывает стандарты, которые призваны стать универсально применимыми при реализации его программы социального обновления, в частности, не учитывает ту роль, которую играют «культурные фильтры» при интерпретации таких явлений, как рефлексивность, демократия, справедливость, не указывает, кто будет ответственно реализовывать упомянутую программу всеобщего социального обновления.

Иллюстрацией неадекватности программы «диалогической демократии» могут служить кровавые события в Боснии, происходившие на глазах ничего не предпринимавшей просвещенной западной общественности. Кроме того, Гидденс оказался не в состоянии понять то ключевое обстоятельство, что советский коммунизм представлял собой модернистскую систему. Грандиозный провал коммунизма в Югославии, связанные с ним организованный террор, этнические

чистки, выселения целых народов, убийства оппонентов, уничтожение меньшинств и т.д. должны были бы подвигнуть Гидденса и других теоретиков к углубленному анализу изъянов модернистского проекта при рациональном построении государства в Советском Союзе и в Югославии.

Представляя традиционалистских фундаменталистов в качестве тех, кто стоит на пути демократизации, Гидденс не указывает, кто конкретно имеется в виду. Неясно, идет ли речь об исламских фундаменталистах, американских новых правых или фундаменталистах-евангеликах. Неясно также, можно ли вообще считать современных фундаменталистов традиционалистами. Ведь и собственные послышки Гидденса можно квалифицировать как «разжиженный просветительский фундаментализм». Его рассуждения апеллируют к вере в проект Просвещения, они не опираются на надежные аргументы, призванные продемонстрировать, что этот проект способен привести к созданию достойного и нравственного мира.

К числу теоретических недостатков воззрений Гидденса (точнее, присущих им противоречий) следует отнести и противоречие между, с одной стороны, изображением им консолидированного национального государства как носителя демократии и утверждениями о благотворности глобализации, а с другой – его отношением к интернационализации и космополизму. Мировая нация не может всерьез принимать национальный суверенитет. В то же время национальное государство, каким его представляет Гидденс, не может допустить ущемления своего суверенитета посредством глобальной коммуникации, утверждения прав меньшинств и т.п.

Несмотря на заявленное неприятие постмодернизма, Гидденс разделяет многие его послышки. Вместе с тем такая неоднозначность позиции не влияет отрицательно на репутацию Гидденса, поскольку вполне соответствует общей неоднозначности, точнее, нежеланию принять какую-то одну определенную точку зрения, которая столь распространена в современном западном обществе. Большинство других приверженцев модерна также не могут однозначно и четко определить свою позицию по многим вопросам. По мнению автора, такая интеллектуальная неоднозначность в значительной мере присуща современной социологии.

В то же время, считает Мештрович, социология должна оставаться «спонтанной и дикой», ведь классики социологии, как и вообще классики социальной теории, были твердо убеждены, что жизнь – это постоянное течение и поток. Соответственно модерн рассматривался ими как определенная стадия в таком потоке, а не как нечто статичное, подлежащее сознательному контролю.

Социология всегда была многообразна и вариативна, особенно до того, как Парсонс свел воззрения её основателей в единую парадигму. Более того, был составлен краткий список предшественников теории действия. Не удивительно, что целое поколение социологов после Парсонса читало его произведения вместо того, чтобы читать Дюркгейма, Маркса, Зиммеля, Парето и др.

Даже самые суровые критики признают, что Гидденс привнес порядок в социологию. Успех Гидденса – это «свершившийся факт», связанный с потребностью людей в порядке в мире, который постмодернисты характеризуют как бессмысленный и хаотичный. Имея традиционную социальную теорию, с одной стороны, и постмодернистов – с другой, приверженцы «главствующей» (mainstream) социологии находят утешение в модернизме Гидденса, который мягче, чем строгий проект Просвещения, подвергшийся в последнее время суровой критике, и вместе с тем позволяет избежать постмодернистского хаоса.

«Гидденс в состоянии предстать и как критик модернизма, и как модернистский мыслитель» (с. 215).

В теории структуриации Гидденса невелико «субстанциально ценное» содержание, он неверно интерпретирует Маркса, Дюркгейма и Вебера, практически игнорирует Зиммеля.

Мештрович указывает на то обстоятельство, что теорию Гидденса нельзя использовать в эмпирических исследованиях. Приводимые им аргументы носят скорее риторический, чем строго доказательный характер, и не всегда согласуются друг с другом. К примеру, тезисы о глобализации противоречат утверждениям о жизнеспособности национального государства, а рассуждения об эмансипации человека не соответствуют приверженности идее социального порядка.

Предметом веры, а не фактом является блаженная убежденность Гидденса в том, что люди – социальные агенты, а не культурные манекены, ведь люди не могут быть агентами в гидденсовском смысле все время, более того, многие в силу ряда социальных, психологических и иных причин демонстрируют очевидные признаки «не-агентности».

Мештровичу кажутся более приемлемыми воззрения Бодрийяра, который изображает новую форму рабства, базирующуюся на сконструированной человеком гиперреальности, которая лишает его возможности наделить свою жизнь смыслом. В отличие от марксистов и представителей критической теории, надеявшихся на то, что просвещенный разум поможет преодолеть новую форму реификации социальной жизни, Бодрийяр не говорит ничего утешительного. Он – теоретик новой формы рабства, а также антимодернист, и его теория является прямой противоположностью теории эмансипации Гидденса.

По мнению автора, следует рассматривать традиционализм, модерн и постмодерн как сосуществующие реальности. Модерн – это не колесница (как считает Гидденс), которую нельзя остановить. Модерну оказывают сопротивление традиционализм, а также его постмодернистские результаты. Понятие модерна само по себе не способно объяснить устойчивое сохранение многих привычек, эмоций, вообще «движений сердца», чувства сострадания и милосердия. Понятие «постмодерн» не указывает на что-либо конкретное.

Для обозначения и характеристики смеси традиционализма, модерна и постмодерна Мештрович предлагает термин «постэмоциональный», «постэмоционализм». «Постэмоционализм показывает, как все человечество в конце двадцатого столетия отвращает свою эмоциональную энергию от агентности, ориентированной на будущее, и обращает на ту или иную ностальгическую форму рабства, укорененную в прошлом» (с. 220). Аятолла Хомейни стремился вернуть Иран в седьмое столетие, а сербы в 1990-е годы сфокусировали свою эмоциональную энергию на событиях 1389 г. Популярная культура рециклирует культурные достижения предыдущих поколений. Диснейленд означает попытку вернуть волшебство идеализированного детства и т.п.

Модернистская теория Гидденса не воспринимает всерьез эмоции, культуру, привычки. Но ведь эти явления вовсе не исчезли из того мира, который он характеризует как высокий или радикальный модерн. Достаточно взглянуть на феномен национализма.

Неизвестно, как долго сохранятся модернистские установки социологического мышления, столь дорогие Гидденсу и очень многим представителям академической социологии. В какой-то момент наследие

Просвещения может исчерпать себя. Конечно, можно, как Гидденс, надеяться на перспективу создания его подобия, изобретения каких-то новых сообществ и традиций. Но это опасное дело. Нынешнее состояние общественной морали не позволяет быть уверенным, что социальные инженеры не создадут новый тоталитаризм.

Ю.А.Кимелев